

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.9

УДК 316.653 | ББК 60.54

© Калашников К.Н.

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ КАЛАШНИКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: konstantino-84@mail.ru

ORCID: [0000-0001-9558-3584](https://orcid.org/0000-0001-9558-3584); ResearcherID: [I-9519-2016](https://orcid.org/I-9519-2016)

Статья затрагивает методологические основы и нюансы выявления феномена постсоциалистической ностальгии в современном российском обществе. Аргументация опирается, с одной стороны, на базовые работы по проблематике исследования, с другой стороны – на данные социологических опросов населения. В отличие от аналогичных работ в статье ставится акцент на динамичности и сложности ностальгии как феномена, при этом поднимается принципиальный вопрос: применимо ли понятие «ностальгия» для описания социокультурных процессов на коллективном уровне? Актуальность этой проблемы обоснована двумя предпосылками. Во-первых, теоретической: сохраняется точка зрения, что память существует только на индивидуальном уровне, поэтому данное требование можно распространить и на смежное понятие ностальгии. Во-вторых, эмпирической: выявленной автором, пусть и в меньшей степени, чем среди старших возрастных групп, подверженности тоске о распаде СССР молодых респондентов, родившихся после событий 1991 года. Разрешение этих противоречий автор видит не в компромиссном использовании термина «ностальгия» как метафоры, а в обращении к ряду дополняющих друг друга общетеоретических моделей. Модель человеческой памяти А. Ассман позволяет исследовать ностальгию как продукт сложного взаимодействия индивидуальной (нейронной), социальной и культурной памяти. Ощущение причастности свидетелей распада СССР к единому «братству» помещается в рамки принципов функционирования «воображаемых сообществ» Б. Андерсона. Теория культурной травмы, в русле которой ностальгия трактуется как симптом посткоммунистической ностальгии, позволяет исследовать роль «групп носителей» и интеллектуалов, формирующих коллективные представления о прошлом. Наконец, концепция иконического сознания Дж. Александера дает возможность изучать объекты материального наследия советской эпохи как символические медиаторы, концентрирующие коллективную память. Обращаясь к эмпирическим данным и примерам, автор

показывает преимущества каждого из перечисленных подходов к изучению и интерпретации феномена постсоциалистической ностальгии в современном российском социуме.

Постсоциалистическая ностальгия, культурная память, культурная травма, иконическое сознание, материальное наследие, РФ, социологический опрос.

Введение

Обращая внимание на уже ставшую привычной симпатию россиян к советскому прошлому и сожаление о распаде СССР, которые не только обнаруживаются невооруженным взглядом в политическом, социальном и медийном дискурсах современной России, но и фиксируются с помощью инструментария социологических опросов, трудно усомниться в актуальности темы постсоциалистической ностальгии для страны в настоящее время. И здесь, вероятно, сразу потребуются отразить два весьма популярных довода противников подобных исследовательских начинаний. Во-первых, кто-то, имея в виду уже накопленный внушительный массив научной литературы по данной тематике, может попросту не увидеть достаточных оснований для дальнейшего изучения ностальгии. Во-вторых, злободневность проблемы посткоммунистической ностальгии кому-то может показаться сильно преувеличенной в силу того, что ее природа имеет якобы исключительно психологический характер, что означает бесперспективность любых попыток сделать «коллективное чувство ностальгии» объектом, достойным социологического анализа¹. Обе претензии вряд ли можно назвать полностью обоснованными, но и абсолютными их крайне сложно признать. Так, в ряду исследователей, обращавших внимание на проблематику посткоммунистической ностальгии, действительно можно насчитать десятки и даже сотни имен. Но, обобщая их опыт, а некоторые из работ стали каноническими, мы неизбежно приходим к выводу, что затрагивают они преимущественно те хронологические рамки, в которых жива «биологическая» память современников, составляющих внушительную часть сообществ.

С. Бойм назвала посткоммунистическую ностальгию защитным механизмом против ускоренного ритма перемен и экономической шоковой терапии, приведя яркие негативные оценки ее роли в модернизации институтов, присутствовавшие в очерках либеральных комментаторов 1990-х гг., одни из которых объясняли пробуксовку рыночных реформ неготовностью ностальгирующего общества к переменам, другие говорили о злонамеренных и небезуспешных попытках элит эксплуатировать ностальгию в качестве ширмы, скрывающей экономические преступления (Бойм, 2001). Важные мысли о терапевтической функции ностальгии мы находим и у Д. Бартмански, исследовавшего иконический ресурс объектов материального наследия коммунистической эпохи (Bartmanski, 2011). В. Кобыща, опубликовавшая к статье Д. Бартмански развернутый комментарий, уделила внимание его полемике с С. Бойм по поводу «буферной» функции ностальгии и отметила не слишком заметный, но важный нюанс: Бартмански, в отличие от Бойм, говорит не о «замещении», а о символической рамке, которая способна совместить внутри себя множество неопределенных фрагментов, возникших в результате социальных изменений (Кобыща, 2011). В нашем исследовании его подход принимается как базовый, но с оговоркой, что та ностальгическая сила, которая присутствовала в постсоциалистическом мире в 1990-е гг., на сегодняшний день существенно утрачена вследствие простой смены поколений. А трансформационный переход к рыночным принципам функционирования экономики и демократическим основам формирования властных структур пусть болезненно и искаженно, но совершен.

¹ Эта мысль о привлекательности прошлого, актуализируемой на уровне личности, получила отражение в ироничном и широко распространенном присловии «трава была зеленее». Более деликатно и тонко она описана московским поэтом Д. Веденяпиным: «...не потому что Брежнев или Хрущев, а потому что жизнь безбрежной была еще».

Сегодня в российской популяции возросла доля людей, не заставших СССР, однако и среди них возникает сожаление о его крахе. Так, М.А. Ядова в недавнем исследовании постсоциалистических ностальгических настроений студенческой молодежи выявила характерный для данной категории паттерн противопоставления СССР как сильного и благополучного государства современной России с разобщенным населением и коррумпированной властью (Ядова, 2021). Следовательно, описание текущей ситуации словами С. Бойм «всенародный кризис среднего возраста» будет даже демографически некорректным. Более того, и воспоминания старшего поколения о советских годах, тем более спустя десятилетия после гибели страны, неизбежно искажаются, проходя через призму субъективного восприятия, приобретенного опыта и сопутствующих ему переоценок прошлого, влияния субъектов политики и культуры, в конечном счете представляя не более чем репрезентации давних событий (Броцки, 2020). Исследователи ностальгии в современном российском социокультурном пространстве, как правило, не склонны ставить вопрос в методологической плоскости: насколько соотносятся и соседствуют друг с другом ностальгия, опирающаяся на индивидуальную память, и сожаление о прошлом, сконструированное средой. Характерный пример – работа Г.Е. Зборовского и Е.А. Широковой. В ней авторы пишут, что отличие социальной ностальгии от индивидуальной заключается в том, что первая охватывает группы, классы, слои общества, тогда как вторая – отдельных людей (Зборовский, Широкова, 2001). Подобный подход к анализу феномена ностальгии трудно признать удовлетворительным. Между тем в экспертном сообществе время от времени поднимаются важные вопросы. В 2012 году по итогам конференции

«СССР: жизнь после смерти» вышел сборник работ ведущих отечественных исследователей, на страницах которого они согласились, что ответы на вопрос, в какой форме продолжается жизнь советских социально-культурных и бытовых практик в российском обществе, не кажется таким очевидным, как в 1990-е гг., а потому требует приложения новых интеллектуальных усилий (СССР..., 2012).

Все сказанное способствует повышению интереса к исследованию феномена постсоциалистической ностальгии в столь хронологически отдаленном от символического события времени. Достижения предшественников не должны быть оспорены, но в понимании ностальгии как социокультурного явления в изменяющихся условиях требуются новые шаги и, если возникнет такая необходимость, внесение принципиальных поправок в алгоритмы ее описания, учитывающие текущие контекстуальные параметры и нацеленные на перспективу. В этом и видятся элементы научной новизны принятого исследования.

Цель работы – уточнить теоретико-методологические основы исследования ностальгии как социокультурного феномена в современном российском обществе.

Материалы и методы

В качестве информационной базы для исследования привлечены труды отечественных и зарубежных исследователей, а также эмпирические данные, прежде всего полученные в рамках социологических опросов населения, включающие как итоги общероссийских социологических измерений (Левада-Центр*), так и результаты опросов жителей Вологодской области, осуществленных Вологодским научным центром РАН с участием автора². Данные опросов Левада-

* Внесен в реестр иностранных агентов.

² Опросы проведены в крупных городах Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%. Опрос проведен посредством бумажного анкетирования граждан.

Центра* использованы для оценки распространенности в российской популяции сожаления о распаде СССР (респондентам задавался вопрос «Сожалевте ли вы о распаде СССР?») и выявления возрастных различий. Опросы жителей Вологодской области касались мнений респондентов о судьбе объектов советского наследия как носителей коллективной памяти и, следовательно, источнике ностальгии о советском строе. Вопрос в анкете звучал следующим образом: «Сейчас все еще актуальны споры о судьбе советского наследия, обсуждается переименование улиц, демонтаж памятников, изъятие сохранившейся символики. Как Вы относитесь к этому?». На основе полученных в ходе опроса данных рассчитывается индекс лояльности в отношении символики и объектов советского наследия. Арифметически расчет индекса – поиск разности между позитивными и негативными оценками респондентов с дальнейшим сложением полученного значения с числом 100 во избежание отрицательных значений.

Результаты и обсуждение

Ностальгия как симптом культурной травмы

Одним из принципиальных моментов посткоммунистической культурной травмы П. Штомпка называл рефлексию на границе прошлого, воспринимаемого людьми в радужном свете, и будущего, с которым связаны их тревожные ожидания. Обращаясь к социологическим данным на начало 1990-х гг., П. Штомпка выявил чрезвычайно низкую верность населения выбранному политическому и экономическому курсу, страх перед будущим и ощущение отсутствия перспектив. Наличие ностальгических настроений в обществе он также фиксировал с помощью сведений о динамике личного благосостояния, которая чуть более чем половиной респондентов оценивалась, по сравнению с социалистическим

периодом, негативно (Штомпка, 2001a; Штомпка, 2001b). Здесь представляются важными адекватные трактовки низкой удовлетворенности граждан господствующей политической повесткой дня и рост бедности. На наш взгляд, критическим симптомом травмы в то время выступало не снижение уровня жизни, а несогласие респондентов с предлагаемым им образом будущего, свидетельствующее о кризисе легитимности, которая, вспомним С.М. Липсетта, представляет собой готовность следовать выбранному курсу невзирая на сопутствующие экономические неурядицы.

Соглашаясь с П. Штомпкой в том, что ностальгия выступает одной из ключевых примет постсоциалистической культурной травмы, мы, отмечая наличие в российском социуме и ряда других описанных польским социологом критериев, которые, впрочем, здесь не рассмотрены подробно ввиду изначально заданной узости предмета статьи, зафиксируем присутствие этих социокультурных тенденций в современной России с помощью данных социологического опроса населения, опубликованных экспертами Левада-Центра*. Пиетет россиян к СССР как государству остается на стабильно высоком уровне: в 2021 году 63% жителей страны сожалели о распаде Советского Союза, тогда как 28% не испытывали сожаления по этому поводу. За общими данными скрываются важные возрастные нюансы: если среди респондентов в возрасте от 18 до 24 лет сожалели о распаде СССР 24%, то для каждой из последующих по старшинству возрастных категорий эта доля существенно возростала, для группы с возрастными границами от 25 до 39 лет достигнув уже 43%, для респондентов 40–54 лет – 69%. Наконец, в наибольшей мере, в 84% случаев, ностальгия была характерна для респондентов возрастной группы 55 лет и старше³.

С одной стороны, в установленных возрастных различиях нет ничего сенсацион-

³ Ностальгия по СССР // Левада-Центр*. Аналитический центр Юрия Левады. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/24/nostalgia-po-sssr-3>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

ного. С другой стороны, сожаление о распаде СССР отмечается и среди граждан, которые провели в советском времени лишь ранние детские годы или вовсе родились после 1991 года. Это уже отменяет категоричное утверждение о том, что постсоциалистическая ностальгия – феномен исключительно психологического порядка. Иными словами, сожаление о прошлом, в котором новые носители ностальгии не присутствовали физически, порождено не личными воспоминаниями, а культурными трактовками и описаниями эпохи. Репрезентации событий советского периода сформированы рассказами родителей, произведениями искусства и культуры. Особую и даже почти исключительную роль в формировании коллективных представлений и, соответственно, проживании обществом травмы играют «группы интересов» (термин М. Вебера) и интеллектуалы (в том значении, в котором его использовал Р. Айерман в контексте проблематики культурной травмы рабства для афроамериканцев). Именно они формулируют рациональные или эмоциональные заявления, ориентирующие аудиторию в сторону продвигаемой ими идеологической повестки. Добавим к этому, что существенный удельный вес в ответах двух младших возрастных групп (22 и 17%) занимает вариант «затрудняюсь ответить», что само по себе предоставляет широкие возможности для реализации интегрированных коммуникаций с данной аудиторией.

Известность в интернет-среде и особенно среди молодой аудитории получили деятели, активно популяризирующие преимущества советского строя (А. Рудой, Д. Пучков, К. Семин, Е. Спицин, С. Васильев и пр.). Обладая незаурядными организаторскими способностями и дискурсивными талантами, они внесли существенный вклад в формирование у граждан позитивных ассоциаций, связанных с социалистическим прошлым. Одновременно с ними медийную среду заполняют противоположные по смыслу и оценкам заявления интеллекту-

алов, применительно к ним часто используется идеологическое клише «либералы». Они дают советскому прошлому негативные оценки, причем их аргументативные схемы строятся на фактах о преступлениях режима, красном терроре, репрессиях, коллективизации, обернувшихся многомиллионными жертвами, что в целом укладывается в формат коммунистической культурной травмы. Здесь обнаруживается интересная и характерная деталь: задачей групп носителей и интеллектуалов выступает не поиск исторической правды, а именно состязание в превосходстве концепта, которому они верны, и того видения прошлого, которое им представляется правильным. Отсюда вытекают многочисленные манипуляции, намеренные искажения сведений о тех или иных исторических событиях, логические ошибки и неувязки в аргументации с последующим игнорированием разоблачений оппонировавшей стороны. Но наибольшее распространение получила ситуация, когда интеллектуалы по обе стороны идеологической черты, опираясь на объективные данные и исторические факты, демонстрируют избирательность в их подборе, что неизбежно приводит к искажению общей картины. Например, «стройки коммунизма», часто используемые в качестве доказательства могущества Советского государства, оцениваются как экономически неэффективные и разорительные (Гайдар, 2006). Количество репрессированных в годы сталинских репрессий помимо того что постоянно оспаривается, может признаваться несопоставимым с числом подготовленных в тот период для народного хозяйства высокопрофессиональных кадров⁴. Таким образом, решение, принимать или оспаривать, соглашаться или опровергать аргументы сторон, в конечном итоге остается за аудиторией, но трудно отрицать факт, что образ жизни советского человека и общества явили миру и будущему принципиально новую цивилизационную альтернативу, которая, впрочем, в историческом противостоянии

⁴ Александр Зиновьев в программе «Русский век» (ТБЦ) 2005. Канал «Инна Пономаренко». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EqOKfQVEP0s>

проиграла и по спорному, но небезосновательному замечанию Ф. Фукуямы, лишила либеральную демократию последней идеологической альтернативы. Речь идет не только и не столько о смене одной парадигмы другой – посткоммунистическая травма как новое культурное напряжение уже включает в себя переживание прошлого опыта, а потому предполагает внутреннюю борьбу (Р. Айерман в одной из своих работ упоминает о «борьбе смыслов»), которая еще более дробится участием и присутствием в жизни современного человека различных социальных и технологических измерений. Если в начале 1990-х гг., став свидетелями распада страны, авторы концепции «простого советского человека» предсказывали инерционность этого социокультурного феномена, «человек постсоветского общества надолго останется «советским» (Голов и др., 1993), то сегодня мы можем заявлять о частичном, но заметном присутствии «советского» в российском социуме. Как справедливо отмечает Н.С. Смолина, идентичность современного русского человека, с одной стороны, вбирает в себя «следы» советского, а с другой стороны, отражает модусы современности – прежде всего «режимы консюмеризма и рамку информационного общества»⁵. Любопытно, что П. Штомпка, анализируя изменения в польском обществе первой половины 1990-х гг., также отмечал эту парадоксальность взаимодействия культурных травм – «коммунистической» и «посткоммунистической» (Штомпка, 2001а).

Может ли ностальгия быть социальной и коллективной?

Теория культурной травмы, открывая широкие перспективы для исследования ностальгии, важна еще и потому, что ставит вопросы о взаимодействии индивидуального

и коллективного. Индивидуальные травмы переживаются отдельными людьми, затрагивая лишь их личные судьбы, но вместе с тем они имеют свойство вовлекать близких, родственников, членов общины, лиц, оказывающих помощь, и всех равнодушных. В тех же случаях, когда трагическое событие нарушает привычный уклад жизни целой социальной или этнической общности, речь может идти о коллективной травме, переживаемой как отдельными участниками, так и группой. И индивидуальная, и коллективная травмы возникают в результате шока, при этом взаимно усиливают друг друга. «Во время экономических кризисов или войны, – пишет Р. Айерман, – личная потеря у одного человека тесно связана с потерями у других людей. Кумулятивный эффект только углубляет травму, в результате чего чувство принадлежности к сообществу, коллективная, как и индивидуальная, идентичности расшатываются» (Айерман, 2013). Культурная же травма, в отличие от индивидуальной и коллективной травм, относится к более абстрактному и опосредованному понятию коллективной идентичности, включающему религиозную и национальную идентичности, – обобщает Р. Айерман⁶. Но главный существенный признак понятия «культурная травма» касается ее генезиса: травмы не рождаются, а создаются путем интерпретации пережитого опыта (Александр, 2013). Так, распад СССР представляет собой лишь исходный драматический инцидент (по П. Штомпке, это «травматическое событие», по Н. Смелзеру – «структурное напряжение»), собственно же травма как социокультурный процесс представляет собой динамический разрыв между «травматической ситуацией» и ее репрезентациями в коллективных представлениях, формируемых в ответ на описания и трактовки, транслируе-

⁵ Смолина Н.С. (2009). Советское/постсоветское как объект социально-философского анализа: проблематизация коллективной идентичности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург. 25 с.

⁶ Также находим у Р. Айермана следующие рассуждения на этот счет: «В отличие от психологической или физической травмы, когда есть рана и опыт сильного эмоционального страдания отдельного человека, культурная травма означает драматичную утрату идентичности и смысла, прореху в ткани общества, которая воздействует на группу людей, достигших определенной степени сплоченности. В этом смысле не обязательно, чтобы травму ощущали все члены сообщества или непосредственно пережил бы хоть кто-то из них. Однако необходимо некое событие, которое бы стало значимой «причиной», и его травматический смысл должен быть утвержден и воспринят; этот процесс занимает время и требует опосредования и репрезентации» (Айерман, 2013).

мые интеллектуалами референтной группы (выше мы уже писали о «борьбе смыслов») (Айерман, 2016).

Процесс конструирования ретроспективных травм рано или поздно переходит в фазу (возможно, в ряде случаев она будет первичной), когда взаимоотношения между индивидуальным и коллективным перестанут иметь значение в силу естественной смерти и, следовательно, элиминации из области актуального дискурса свидетелей исходного драматического инцидента. Впрочем, их показания, мнения и оценки как очевидцев останутся на бумажных или электронных носителях информации или будучи воплощенными в формы культурных артефактов. В отношении ностальгии эти аспекты носят принципиальный характер, ведь описанная ситуация предполагает применение термина «ностальгия» лишь в качестве метафоры. Возможно, подобное словоупотребление уже стало привычной практикой: в упомянутом выше опросе Левада-Центра* самого слова «ностальгия» не звучало – респондентов спрашивали, сожалеют ли они о распаде СССР.

Ответ на вопросы, может ли быть ностальгия коллективной и, самое главное, уместно ли использование этого термина для описания душевных переживаний индивидуумов по поводу событий, свидетелями которых они не были, следует искать в некогда развернувшейся и по сей день не утихающей дискуссии, затрагивающей аналогичную теоретическую проблему, но в более общей теоретической рамке понятия «коллективная память». С. Зонтаг, к примеру, придерживалась на этот счет однозначной позиции: память по определению индивидуальна и невоспроизводима, тогда как «коллективная память» – это не более чем принятая условность, выдвигаемый политической и общекультурной обстановкой фрейм для интерпретации сигналов из прошлого. Понятие «коллективная память» для Зонтаг не менее абсурдно, чем «коллективная вина» (этот список можно легко дополнить терминами «коллективные представ-

ления», «коллективный разум», «коллективное бессознательное» и пр.) (Sontag, 2003).

А. Ассман, подчеркивая рациональность аргументации С. Зонтаг и ряда других критиков возможности существования любой, кроме индивидуальной, памяти, все-таки предлагает взглянуть на обсуждаемую проблему комплексно, опираясь на многоуровневую модель памяти как феномена (Ассман, 2014). Согласно А. Ассман, описать сложную структуру памяти человека позволяет матрица, отражающая различия между нейронной, социальной и культурной видами памяти на основе триады существенных критериев: «носитель», «среда» и «опора». Важно, что не существует четких границ между тремя обозначенными уровнями. Процесс взаимного обмена между слоями нейронной и социальной памяти очевиден даже на интуитивном уровне, фактически социальная память – это скоординированная память отдельных индивидов, о чем писал еще М. Хальбвакс (Хальбвакс, 2007), тогда как понимание перехода от социальной памяти к коллективной вызывает трудности из-за сопутствующего ему разобщения памяти и опыта (она основана на «...ресурсе опыта и знаний, который отделяется от живых носителей и переходит на материальные информационные носители»).

Для описания постсоциалистической ностальгии в режиме перехода от биологической памяти к социальной, как нам кажется, будет уместно обратиться к понятию «воображаемых сообществ» Б. Андерсона, причем в самом широком смысле и несколько абстрагируясь от акцента, сделанного этим британским этнографом и социологом на появлении национальных сообществ и национализма (Андерсон, 2016). Подчеркнем, что подобное смещение фокуса, несмотря на сбывшееся предсказание автора о том, что к началу тысячелетия от СССР не останется ничего, кроме республик, не принципиально, поскольку, как писал сам Андерсон, «воображаемым» является практически любое сообщество современного мира, то есть его члены могут в течение всей жизни не

* Внесен в реестр иностранных агентов.

сталкиваться лицом к лицу, но иметь неизбежное представление о своем параллельном существовании и функционировании в общем пространственно-временном контексте. Таким образом, представители одного или нескольких поколений живых свидетелей эпохи предполагают в своем воображении существование общности подобных им индивидуумов, обладающих аналогичным или близким по силе опытом, плывущих одновременно с ними в потоке гомогенного, пустого времени (этот термин Б. Андерсон заимствует у В. Беньямина). Однако если в известном примере самого автора исчезновение с передовиц газеты новости о голоде в Мали не отменяет представления читателей о его дальнейшем независимом и одновременном с ними бытии, то для поколений людей, переживших распад «последней империи», включенность в новое «воображаемое сообщество» начинает актуализироваться через ощущение причастности к чему-то для них важному, пусть и абстрактному, уже не очерченному рамками административных границ. Весьма симптоматичным здесь оказывается частое оперирование модусом первого множественного числа в процессе актуализации пережитого членами воображаемого сообщества опыта («мы», «люди», «наше время» и пр.). Что касается коллективной памяти, то для нее опорой являются не символические медиаторы, как в случаях индивидуальной и социальной памяти, а мозг индивидуума. Медиаторы же выступают экстернализованными и объективированными носителями «воспоминаний», фиксирующими и репрезентирующими опыт предыдущих поколений и дающими памяти долгосрочную, выходящую далеко за хронологические рамки жизни отдельного человека и даже генерации перспективу. В итоге самоидентификация индивидуума происходит через приобретение личного опыта и опыта его современников, а также усвоение, посредством критического, но ограниченно лишь доступными ему интерпретативными скриптами, культурного багажа, воплощенного в объектах материального и нематериального наследия предков.

Материальное наследие как носитель культурной памяти и источник ностальгии

В работе «Франция. Память», ставшей поистине знаковой в проблематике культурной памяти, П. Нора отметил: «Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности. Отсюда – ностальгический аспект проявлений почтения, исполненных ледяной патетики» (Нора, 1999). В ряду перечисленных символических носителей памяти, на наш взгляд, четко обособляются две категории: первая – объекты материального мира, вторая – ритуальные практики (к таковым относятся праздники и годовщины). Последние, в отличие от памятников, стел и пр., апеллируют к действию и активному восприятию смыслов. Материальные объекты как таковые действительно являются базовыми носителями культурной памяти, но без соответствующих интерпретаций их роли они могут стать (и становятся) не более чем привычными элементами человеческого быта или городского пейзажа. Если коллективные воспоминания о советском периоде отечественной истории материализованы в памятниках, монументах, стелах и пр., то победа в Великой Отечественной войне, к примеру, еще и оживлена регулярными ритуальными действиями, связанными с празднованием ее годовщины (заметим, что 9 мая – единственная памятная дата, оставшаяся от советской эпохи в российском календаре).

Материальным объектам традиционно приписываются две силы влияния на коллективную идентичность – формирующая и адаптационная, при этом границы между ними носят прерывистый характер, а наиболее точным было бы признать адаптационную функцию частным примером формирующей. Теоретическую основу для обсуждения конструирующей роли материальных объектов для сферы идей составляют работы Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 2018) и З. Фрейда, а также концептуализируемое Дж. Александером иконическое сознание (Alexander, 2008). Их развитие примени-

тельно к тематике ностальгии мы находим у М. Чейза и К. Шоу, которые считали присутствие в окружении индивидуума материальных объектов необходимым условием появления ностальгических чувств (Chase, Shaw, 1989), и особенно у Д. Бартмански. Опираясь на идею иконического сознания, он подчеркивает важность терапевтической функции материальных атрибутов прошлого, способствующую преодолению преград на трудном пути к новой политической и социальной реальности. Главным свидетельством в пользу адаптационной роли объектов материального наследия прошлого автор выдвигает острую реакцию общества на попытки демонтировать, изъять этих свидетелей эпохи из жизненного мира современников (Bartmanski, 2011).

Насколько актуальны эти выводы сегодня? Богатый материал для исследований рецидивов постсоциалистической ностальгии предоставляет распространенная в последние годы в бывших странах соцлагеря политика декоммунизации, которая сопровождается сносом памятников и монументов советской эпохи. Утилизация памятника Советской армии в Софии, который уже неоднократно осквернялся⁷, или Освободителям Латвии от немецко-фашистских захватчиков в Риге⁸, так называемый «ленинопад» в городах Украины – это акты идеологического масштаба, хотя местными властями они могут маскироваться архитектурно-эстетическими корректировками структуры городского ландшафта (например, избавление города от объектов, лишенных художественной ценности) (Кринко, Хлынина, 2015). Неслучайно эти действия спровоцировали пусть и скромные, но протесты граждан, усмотревших в них посягательство на общее прошлое, репрезентации которого прочно вплетены в ткань групповой идентичности.

В России с умеренной регулярностью слышатся призывы к демонтажу памятников советского строя, за исключением воздвигнутых в память о подвиге советского солдата в борьбе с фашизмом, которая все еще считается священной. Примеры актов стихийного вандализма в отношении памятников, посвященных Великой Отечественной войне, имеются, но они вызывают однозначную и остро негативную реакцию общественности. По этим причинам публичные предложения о массовом демонтаже касаются преимущественно памятников В.И. Ленину⁹. В терминах теории культурной травмы подобные заявления лиц, обладающих широкой медийностью, следует трактовать как «заявления», которые могут вызвать ответ общественности, в том числе посредством пробуждения чувства ностальгии.

В связи со сказанным интерес представляют мнения респондентов на этот счет и видение ими будущего социалистического материального наследия. В соответствующем вопросе использованной нами анкеты имеется не само высказывание, а некая отсылка к присутствующей в медийном дискурсе точке зрения. На *рис.* приведены индексы лояльности объектам и символике советского периода, рассчитанные на основе данных социологического опроса населения Вологодской области¹⁰. В целом у респондентов преобладает конструктивное отношение к вопросу советского наследия. Несмотря на возрастные различия, индекс ностальгии существенно превышает пороговую отметку 100 по всем категориальным единицам. Наибольшие значения индекс принимает в отношении советских названий улиц, а минимальные – советской символики, хотя разброс нельзя считать принципиальным.

Индекс лояльности представляется важным как для полной интерпретации дан-

⁷ Памятник Советской армии уберут из центра Софии // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5863704>

⁸ Власти Риги запретили акцию протеста у памятника Освободителям. URL: <https://iz.ru/1383283/2022-08-22/vlasti-rigi-zapretili-aktciiu-protesta-u-pamiatnika-osvoboditeliam>

⁹ Историк выступил за снос памятников Ленину по всей стране // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/08/pamyatnik>

¹⁰ Формулировка вопроса: «Сейчас все еще актуальны споры о судьбе советского наследия, обсуждается переименование улиц, демонтаж памятников, изъятие сохранившейся символики. Как Вы относитесь к этому?» Предлагались указанные в таблице варианты ответов.

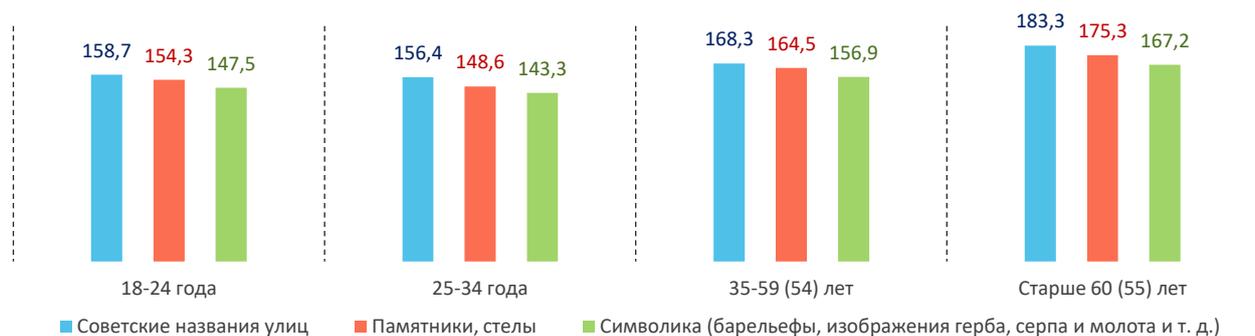

Рис. Индекс лояльности в отношении символики и объектов советского наследия (в разрезе возрастных групп)

Источник: данные социологического опроса жителей Вологодской области «Социокультурный портрет региона» (ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021 год, сентябрь, N = 1500).

Таблица. Мнение жителей Вологодской области о судьбе материального наследия и символики СССР

Вариант ответа	Возрастная группа				
	в целом по всем возрастным группам	18...24 года	25...34 года	35...59 (54) лет	старше 60 (55) лет
Переименование советских названий улиц					
Их нужно сохранить. Это часть нашей истории	76,1	64,7	63,3	74,3	86,7
Их нужно удалить. Они мешают развиваться, двигаться вперед	5,3	6,0	6,9	6,0	3,4
Затрудняюсь ответить	18,7	29,3	29,8	19,7	9,9
Демонтаж памятников, стел					
Их нужно сохранить. Это часть нашей истории	71,7	62,1	58,0	71,0	81,0
Их нужно удалить. Они мешают развиваться, двигаться вперед	6,8	7,8	9,4	6,5	5,7
Затрудняюсь ответить	21,5	30,2	32,7	22,5	13,3
Изъятие символики (барельефы, изображения герба, серпа и молота и т. д.)					
Их нужно сохранить. Это часть нашей истории	66,8	57,8	54,3	66,3	75,2
Их нужно удалить. Они мешают развиваться, двигаться вперед	9,3	10,3	11,0	9,4	8,0
Затрудняюсь ответить	23,9	31,9	34,7	24,3	16,8

Источник: данные социологического опроса жителей Вологодской области «Социокультурный портрет региона» (ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021 год, сентябрь, N = 1500).

ных, так и для адекватного выбора способа и направления политических действий, но в силу самого способа его калькуляции он не учитывает вклада в распределение ответов затрудняющихся выбрать вариант из двух полярных суждений. Восполним это упущение, обратив внимание на распределение удельного веса ответов респондентов между предложенными вариантами. Вклад затруднившихся с выбором ответа в итоговом своде результатов опроса достигает наиболь-

ших значений в группах молодых респондентов и, что немаловажно, он в разы превышает доли их негативных оценок (табл.).

Это может трактоваться и как низкий уровень интереса к подобным аспектам жизни и вообще политической ситуации в стране, что, вероятно, в отношении молодежи можно считать если не оправданным, то понятным, и как следствие низкого уровня гуманитарного образования. Возможно, уместно будет предложить и позитивный

вариант толкования, когда выбор сохранения наследия может быть объяснен порядком действующей в стране системы образования, свободного от идеологических клише. В ряде случаев диагностическая сила социологического опроса снижается, поскольку голос в защиту материального наследия может свидетельствовать не о лояльности и ностальгии, а о политически и идеологически нейтральной поддержке увековечения истории с соответствующим пояснением ее противоречивости и драматичности.

В конечном итоге подлинный научный и практический интерес вызывает прогнозирование политических следствий сложившихся или намечающихся в обществе ностальгических тенденций. С этой сугубо утилитарной точки зрения задача выявления и обоснования комплекса существенных признаков ностальгии как теоретического понятия отходит на второй план, уступая первенство актуальности трактовки того факта, что существенная часть населения все-таки испытывает искреннее сожаление об ушедшем в историю советском строе. Присутствие, пусть и не такое широкое, в этой выборке молодых людей свидетельствует о выходе ностальгии на уровень коллективных представлений и коллективной памяти, встраивании опыта социалистического проекта в структуру идентичности сообщества.

Еще один вопрос мы лишь обозначим в качестве проблемного. Если постсоциалистическая ностальгия присутствует в общественном сознании, почему она не конвертируется в политическую и гражданскую активность? Понимая, что обсуждение этой непростой темы выходит далеко за рамки исследования, обозначим лишь основные наиболее убедительные, векторы его разрешения. На наш взгляд, разгадка кроется в самой форме политического устройства современной России, которая успешно и достоверно описывается параметрами модели, названной американским политологом Г. О'Доннеллом делегативной демократией (О'Доннелл, 1991). Для большинства граждан участие в политической жизни страны ограничивается электоральной активностью. По

итогам выборов лидеру даются не только бразды правления, но и карт-бланш, доверие и возможность действовать по собственному усмотрению. Это еще один характерный признак глубокой укорененности в массовом сознании стереотипов и ценностей советского периода.

Заключение

Сожаление о распаде СССР, фиксируемое в общественных настроениях и сегодня, более 30 лет спустя, обнаруживается во всех возрастных группах. И если роль возрастного фактора в силе ностальгии вряд ли требует дополнительных и пространственных комментариев (ей больше подвержены представители старших возрастных групп), то присутствие ностальгических настроений в генерации соотечественников, рожденных после свершения «крупнейшей геополитической катастрофы», как минимум, заставляет обратить на себя пристальное внимание исследователей и поднять вопрос о правомерности применения термина «ностальгия» не в отношении переживаний отдельных индивидуумов, а в анализе сложившихся в социуме коллективных представлений о прошлом. Действительно, может ли индивидуум испытывать ностальгию по прошлому, если его представления сформированы не личным опытом, а усвоенными через социальные и культурные источники знаниями и смыслами?

Постсоциалистическая ностальгия не имеет эксклюзивного теоретико-методологического основания, которое могло бы ориентировать исследователя исключительно на данный социокультурный феномен. Вместе с тем такой необходимости и не возникает, поскольку ностальгия успешно описывается в терминах ряда социологических концепций и теорий, комбинированное или избирательное использование которых позволяет успешно анализировать состояние и динамику присутствующих в обществе ностальгических настроений.

В статье показано, что проблема очерчивания границ понятия постсоциалистической ностальгии решается в том же ключе, что и трактовка более общего термина

«коллективная память». Поскольку ностальгия опирается на человеческую память, то и исследовать ее необходимо аналогичным образом. В связи с этим поставленный выше принципиальный вопрос о широте и правомерности применения термина «ностальгия» к динамичным социальным контекстам может быть расширен, если принять во внимание не исключенное из научного дискурса мнение о несостоятельности феномена коллективной памяти. Однако это противоречие не является принципиальным, если подходить к исследованию современной постсоциалистической ностальгии как феномену, конструируемому сложными взаимодействиями трех уровней человеческой памяти – нейронной, социальной и культурной. Ностальгия – сложное явление, которое может формироваться как с опорой на индивидуальный опыт, так и в ответ на внешние сигналы, захватывая новые поколения людей, которым, к примеру, не пришлось быть свидетелями Брежневского застоя и событий Августовского путча. Эти нюансы наиболее точно и полно охватываются методологическими рамками теории культурной травмы, позволяющей интерпретировать ностальгию как симптом социокультурных изменений коллективной идентичности, вызванных ответом на распад СССР. С такой точки зрения даже участие индивидуального опыта в формировании ностальгии опосредовано влиянием культурного фактора, ролью групп интересов и интеллектуалов, участвующих в конструировании желаемого образа прошлого. Принимая во внимание, что в российском обществе представлены противоположные по идеологическому вектору, но сопоставимые по силе группы носителей коммунистической культурной травмы и интеллектуалы (политические партии, общественные движения, публицистические издания, интернет-спикеры и пр.), также участвующие в формировании смыслов, можно заключить, что посткоммунистическая ностальгия существует в том мозаичном культурном пространстве, в котором различные идеи сталкиваются и конкурируют друг с другом. Конгломерат

идей, противоборствующих смыслов, культурных контекстов сохранится и в обозримом будущем.

В этих условиях материальное наследие советской эпохи, объекты которого присутствуют в жизненном мире российских граждан, выступает важным инструментом идеологической борьбы. На основе данных социологического опроса проанализирована лояльность жителей одного из субъектов РФ, Вологодской области, к материальным объектам социалистического строя как косвенный критерий присутствия в обществе постсоциалистической ностальгии. Анализ опирался на концепцию иконического сознания, в соответствии с которой памятники, стелы, названия улиц участвуют в формировании коллективных представлений о прошлом, поэтому физическое или предполагаемое посягательство на их целостность и занимаемое ими в современных культурных ландшафтах место может восприниматься как угроза идентичности.

Результаты исследования позволили сделать ряд выводов. Имеется сакраментальная, но незначительная возрастная дифференциация респондентов в оценке важности символов советской эпохи для жизни и будущего современников: старшие возрастные группы демонстрируют большую, чем молодые, убежденность в сохранении материального символического наследия советского периода отечественной истории. Вместе с тем присутствие в выборке молодых респондентов значительной доли тех, кто не может определиться с оценкой важности сохранения советского наследия, является чрезвычайно симптоматичным. Оно указывает как на снижение интереса представителей этой возрастной группы к советскому прошлому и, следовательно, слабую (если исключить возможность намеренного игнорирования) деятельность органов власти и групп носителей по актуализации запечатленной в материальных артефактах советской эпохи культурной памяти, так и на все еще сохраняющиеся рычаги влияния на данную аудиторию, возможности ориентирования ее на любую из противоборствующих сторон.

ЛИТЕРАТУРА

- Айерман Р. (2013). Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. Т. 12. № 1. С. 121–138.
- Айерман Р. (2016). Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. № 5. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016
- Александр Дж. (2013). Смыслы социальной жизни: культурсоциология. Москва: Праксис. 640 с.
- Андерсон Б. (2016). Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Кучково поле. 416 с.
- Ассман А. (2014). Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение. 328 с.
- Бойм С.Ю. (2001). Будущее ностальгии. Москва: ИД «НЛО». 362 с.
- Броцки М. (2020). Постсоциалистическая ностальгия и перемены внутри семиотической вселенной на примере Польши после 1989 года // Вестник МГПУ. Сер.: Исторические науки. Т. 38. № 2. С. 75–91. DOI: 10.25688/2076-9105.2020.38.2.08
- Гайдар Е.Т. (2006). Гибель империи. Уроки для современной России. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 448 с.
- Голов А.А., Гражданкин А.И., Гудков Л.Д. [и др.] (1993). Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / под общ. ред. Ю.А. Левады. Москва: Мир, Океан. 300 с.
- Дюркгейм Э. (2018). Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. Москва: Элементарные формы. 808 с.
- Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. (2001). Социальная ностальгия: к исследованию феномена // СОЦИС. № 8. С. 31–34.
- Кобыща В.В. (2011). Доминик Бартмански. «Успешные иконы эпохи, потерпевшей крах: переосмысливая посткоммунистическую ностальгию» // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. URL: <https://sociologica.hse.ru/en/2011-10-3/46796088.html>
- Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. (2015). Украина без Ленина: старые памятники и новая идеология // Российские регионы: взгляд в будущее. № 1 (2). С. 40–57.
- Нора П., Озуф М., Пюимежа Ш., Винока М. (1999). Франция – память. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та. 333 с.
- О’Доннелл Г. (1991). Делегативная демократия // Политнаука. Политология в России и мире. URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/odonnell.php>
- СССР: Жизнь после смерти (2012) / под ред. И.В. Глушенко, Б.Ю. Кагарлицкого, В.А. Куренного; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 304 с.
- Хальбвакс М. (2007). Социальные рамки памяти. Москва: Новое изд-во. 348 с.
- Штомпка П. (2001a). Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. № 2. С. 3–12.
- Штомпка П. (2001b). Социальное изменение как травма. Статья первая // Социологические исследования. С. 6–16.
- Ядова М.А. (2021). «Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»: постсоветская молодежь о распаде СССР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 231–246. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12
- Alexander J.C. (2008). Iconic consciousness: The material feeling of meaning. *Environment and Planning D: Society and Space*, 26, 782–794.
- Bartmanski D. (2011). Successful icons of failed time: Rethinking post-communist nostalgia. *Acta Sociologica*, 54 (3), 213–231.
- Chase M., Shaw C. (1989). The Dimensions of Nostalgia. *The Imagined Past: History and Nostalgia*. Manchester: Manchester University Press.
- Sontag S. (2003). *Regarding the pain of others*. New York: Picador Farrar, Straus and Giroux.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Николаевич Калашников – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Kalashnikov K.N.

POST-SOCIALIST NOSTALGIA IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

The article touches upon the methodological foundations and peculiarities of identifying the phenomenon of post-socialist nostalgia in contemporary Russian society. The argumentation is based, on the one hand, on the basic works on the subject of the research, and, on the other hand, on the data of sociological surveys of the population. In contrast to similar works, the article focuses on the dynamism and complexity of nostalgia as a phenomenon, while raising a fundamental question: can the concept of “nostalgia” be applied to describe sociocultural processes on the collective level? The relevance of this problem is justified by two prerequisites. The first is the theoretical one: there is a point of view that memory exists only on the individual level, so this requirement can be extended to the related concept of nostalgia. The second is the empirical one: the author reveals the susceptibility of young respondents born after the events of 1991 to yearning for the USSR collapse, albeit to a lesser extent than in older age groups. The author sees the solution to these contradictions not in the compromise use of the term “nostalgia” as a metaphor, but in a series of complementary general theoretical models. A. Assmann’s model of human memory allows us to study nostalgia as a product of complex interaction of individual (neural), social and cultural memory. The sense of belonging of the witnesses of the USSR collapse to a single “brotherhood” is placed within the framework of the principles of functioning of B. Anderson’s “imagined communities”. The theory of cultural trauma, which treats nostalgia as a symptom of post-communist nostalgia, allows us to explore the role of “carrier groups” and intellectuals who form collective representations of the past. Finally, J. Alexander’s concept of iconic consciousness makes it possible to study objects of material heritage of the Soviet era as symbolic mediators that concentrate collective memory. Referring to empirical data and examples, the author shows the advantages of each of the above approaches to the study and interpretation of the phenomenon of post-socialist nostalgia in contemporary Russian society.

Post-socialist nostalgia, cultural memory, cultural trauma, iconic consciousness, material heritage, RF, sociological survey.

REFERENCES

- Alexander J.C. (2008). Iconic consciousness: The material feeling of meaning. *Environment and Planning D: Society and Space*, 26, 782–794.
- Alexander J. (2013). *Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiya* [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology]. Moscow: Praksis.
- Anderson B. (2016). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo Pole.
- Assmann A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bartmanski D. (2011). Successful icons of failed time: Rethinking post-communist nostalgia. *Acta Sociologica*, 54 (3), 213–231.

- Boym S.Y. (2001). *Budushchee nostalgii* [The Future of Nostalgia]. Moscow: ID “NLO”.
- Brocki M. (2020). Post-socialist nostalgia and changes within the semiotic universe on the example of Poland after 1989. *Vestnik MGPU. Ser.: “Istoricheskie nauki”=Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series “History”*, 2020, 2(38), 75–91. DOI: 10.25688/2076-9105.2020.38.2.08 (in Russian).
- Chase M., Shaw C. (1989). The Dimensions of Nostalgia. *The Imagined Past: History and Nostalgia*. Manchester: Manchester University Press.
- Durkheim E. (2018). *Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of the Religious Life]. Moscow: Elementarnye formy.
- Eyerman R. (2013). Social theory and trauma. *Sotsiologicheskoe obozrenie=Sociological Review*, 1(12), 121–138 (in Russian).
- Eyerman R. (2016). Cultural Trauma and Collective Memory. *Novoe literaturnoe obozrenie=New Literary Review*, 5. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016 (in Russian).
- Gaidar E.T. (2006). *Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoi Rossii* [Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).
- Golov A.A., Grazhdankin A.I., Gudkov L.D. et al. (1993). *Sovetskii prostoi chelovek: opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh* [Soviet Simple Man: Experience of the Social Portrait at the Turn of the 1990s]. Moscow: Mir, Okean.
- Halbwachs M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamyati* [On Collective Memory]. Moscow: Novoye izdvo.
- Kobyshcha V.V. (2011). Dominic Bartmanski. “Successful icons of failed time: Rethinking post-communist nostalgia”. *Sotsiologicheskoe obozrenie=Sociological Review*, 3(10). Available at: <https://sociologica.hse.ru/en/2011-10-3/46796088.html> (in Russian).
- Krinko E.F., Khlynina T.P. (2015). Ukraine without Lenin: Old monuments and new ideology. *Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee=Russian Regions: A Look into the Future*, 1(2), 40–57 (in Russian).
- Nora P., Auzouf M., Puimage G., Winock M. (1999). *Frantsiya – pamyat'* [France – Memory]. Saint Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburg. univ.
- O'Donnell G. (1991). Delegative democracy. *Politnauka. Politologiya v Rossii i mire=Politnauka. Political Science in Russia and the World*. Available at: <http://www.politnauka.org/library/dem/odonnell.php> (in Russian).
- Sztompka P. (2001a). Cultural trauma in a post-communist society (article two). *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2, 3–12.
- Sztompka P. (2001b). Social change as trauma (article one). *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 6–16.
- Glushchenko I.V., Kagarlitskii B.Y., Kurennoy V.A. (Eds.). (2012). *SSSR: Zhizn' posle smerti* [USSR: Life after Death]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House.
- Yadova M.A. (2021). “Nostalgia not for the past but nostalgia for the present”: Post-Soviet youth on USSR's collapse. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo=Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 5(14), 231–246. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12 (in Russian).
- Sontag S. (2003). *Regarding the Pain of Others*. New York: Picador Farrar, Straus and Giroux.
- Zborovsky G.E., Shirokova E.A. (2001). Social nostalgia: To the study of the phenomenon. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 8, 31–34 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin N. Kalashnikov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: konstantino-84@mail.ru)